

ГЛАВА 1

На рассвете 24 сентября 1944 года стрелковый батальон капитана Ненашева вошел в ущелье Тырну-Фошу и рассредоточился в километре от деревни Пештера. Подразделение было усилено румынской пехотной ротой. Межгорную впадину заволок густой туман. Хвойные леса расплзлись по ступенчатым склонам, карабкались на гребни утесов и едва просматривались за сизой дымкой. Видимость внизу составляла сорок метров.

Красноармейцы ушли с дороги, растянулись по складкам местности.

«Не шуметь, — передавали бойцы по цепочке. — Не возиться».

Рассвет еще только зрел, медленно серело небо. Туман не спешил рассеиваться. Всю ночь батальон бодрым маршем одолевал довольно крутой перевал. Солдаты устали, у них слипались глаза. Ночь выдалась сравнительно теплой. Во мраке таилась неизвестность.

Войска Второго Украинского фронта маршала Малиновского с боем прошли Восточные

Карпаты, обширное Трансильванское плато. Сороковая и Седьмая гвардейская армии получили пополнение из резервов Верховного главнокомандования, были полностью укомплектованы.

Красной армии следовало пройти всю центральную и западную Трансильванию, оттеснить на северо-запад разрозненные части противника. Ее дальнейшей целью была Венгрия.

Однако в Западно-Румынских горах наступление замедлилось. Войска застряли в ущельях и перевалах, шли вперед с тяжелыми боями. Силы дробились, а враг оказывал упорное сопротивление.

Капитан Ненашев имел приказ оседлать перевал Тырну-Фошу, захватить Пештеру и создать условия для ввода основных сил в долину Браскэу. По данным разведки, деревня была заброшена. Из сорока дворов жизнь теплилась только в паре. Много лет назад здесь случился пожар, выгорела половина строений. Они так и не были восстановлены.

В этом населенном пункте располагалась потрепанная рота вермахта. Она вошла туда днем ранее и встала на отдых. Немцы не знали, что по пятам за ними следуют давно не спавшие, а потому злые и решительные бойцы Красной армии.

Личный состав укрылся за деревьями, ждал приказа. Таял туман, проявлялись очертания предметов. Ельник еще спал, могучие деревья с тяжелыми лапами застыли.

БАШНИ НЕМЕЦКОГО ЗАМКА

Вскоре на правом фланге наметилась активность. К деревне двинулись румынские солдаты капитана Кодряну. Красноармейцы все еще по-сматривали на них косо.

Бывшие враги, в одночасье ставшие друзьями, захватили Молдавию, южную часть Украины, Одесскую область. Они назвали эти территории Тринистрией, департаментом под протекторатом Румынии, наводили там свои порядки, вешали и расстреливали. И вдруг все поменялось, стало ясно, кто сильнее. Месяц назад молодой король Михай объединился с антифашистской оппозицией, приказал арестовать румынского фюрера Антонеску, нарек себя другом СССР и объявил войну Германии.

Принять ответные меры нацистские спецслужбы не успели. Красная армия стояла на пороге, начала наступление на Румынию. Минув месяц. Советские войска страну фактически прошли, остался лишь клочок Трансильвании.

В принципе, румыны не были обузой, воевали нормально. Возможно, их мучила совесть за то, что они долгие годы оказывали пособничество бесчеловечному фашистскому режиму. Румынские части были едва укомплектованы, плохо вооружены. Красной армии приходилось делиться с новоявленными союзниками.

В роте капитана Кодряну нашелся местный житель, он и нарисовал план деревни. В 7.35 были сняты передовые дозоры. Во мху остались

окровавленные тела в обмундировании мышинного цвета.

В 7.45, когда достаточно рассвело, батальон пошел на штурм. Автоматчики бежали молча, берегли дыхание. На околице в старом овине проснулся пулеметчик, ударил раскатистой очередью из МГ-42. Ему не понравились фигуры, быстро перемещающиеся во мгле. Но это не имело значения. Красноармейцы забросали оwin гранатами.

Громовое «ура!» огласило сонное ущелье. Бойцы бежали в полный рост, вели огонь из автоматов. Из хижин выскакивали ошеломленные полуодетые солдаты, падали под проливным огнем. Красноармейцы врывались в дома, швыряли гранаты. Они знали, что мирных жителей там нет. В неприятельских рядах царила паника. Те немцы, которые бросились на дорогу, погибли сразу. Улица простреливалась насквозь.

Пештера переживала не лучшие времена. Плетни и заборы завалились, строения заросли бурьяном. С некоторых крыш еще не осыпалась бурая черепица. В подворьях догнивали скирды соломы.

Трещали автоматы МП-40, но их робкие голоса заглушал гром пистолетов-пулеметов Шпагина. Некоторые солдаты вермахта бросали оружие, падали на колени и вскидывали руки. В этих красноармейцы не стреляли, бежали мимо, только иногда отвешивали им тумаки. Они врывались в подворья, расстреливали

БАШНИ НЕМЕЦКОГО ЗАМКА

заросли бурьяна, забрасывали гранатами сараи.

Часть вражеских солдат решила уйти огородами. Они выломали ограду, просочились на соседний участок. Их атаковали в лоб, но нарвались на дружный огонь из стрелкового оружия. Двое погибли, остальные залегли и подвергли этот огород плотному обстрелу. Немцы оставили там смертника, он прикрывал отход.

Но это был не сорок первый год. Отделение пехотинцев обошло участок по улице и открыло фланговый огонь. Вражеские солдаты были прекрасной мишенью, они метались, застигнутые врасплох, падали замертво. Двое выживших вскинули руки. Но свой шанс они уже упустили, разъяренные красноармейцы до отвала наспиговали их свинцом.

Волна катилась по деревне, гремели взрывы. Обезоруженных солдат неприятеля бойцы пинками выгоняли на дорогу. Кому-то удалось сбежать, но это не имело особого значения. Не та публика, чтобы уйти в партизаны.

В немецком подразделении было много раненых. Их поместили в отдельное здание, там работали медики в окровавленных халатах.

В раненых немцев красноармейцы не стреляли. Какие бы слухи ни ходили о них, но такого они себе не позволяли. Убивали они только эсэсовцев, отношения же с вермахтом не отличались такой прямолинейностью.

С десяток немецких солдат и офицеров едва не ушли. Это было командование роты и несколько гренадеров, защищавших его. Красноармейцев, ворвавшихся во двор, они встретили кинжальным огнем, швыряли гранаты-колотушки. Трое получили ранения, один погиб. Кучка людей прошла огородами, полезла на склон, надеясь добраться до спасительных елей. Хромающего гауптмана прикрыл плечистый громил с искаженным лицом. Беглецы спешили. В иной ситуации они ушли бы. Но атака на деревню была не спонтанной, а хорошо продуманной.

На склоне засел пулеметчик с РПД и дождался своего часа — заметил бегущих врагов. Он стрелял в упор, с дистанции в двадцать метров, перебил всех, а потом для верности крошил пулями неподвижные тела.

Бой продолжался десять минут. Батальон Ненашева и примкнувшие к нему румыны потеряли семерых, десять человек получили ранения. Немецкое подразделение прекратило существование. Половина погибла, остальных согнали на дорогу. Пленные сидели в грязи, опустили головы, пугливо косились на хмурых советских автоматчиков.

Крупными успехами в текущем месяце германская армия похвастаться не могла. Части вязли в горах, солдаты голодали, гибли под артобстрелами. Многие предпочитали сдаться в плен, не желали продолжать борьбу. Армия

БАШНИ НЕМЕЦКОГО ЗАМКА

еще не разложилась, но вера в величие рейха та-
яла, как снег на апрельском солнышке.

В считанные минуты деревня перешла под контроль освободителей. На окраине еще стреляли, но вскоре и там стало тихо. Бойцы прочесали последние дворы и обнаружили в погребе несколько местных жителей весьма преклонного возраста. Это было все население деревни.

Командиры расставили посты, ключевые высоты заняли пулеметчики. В деревню с восточного направления въезжали грузовики. Видавшая виды полуторка тащила полевую кухню. Ее прибытие бойцы встретили криками одобрения. Спать не дают, так хоть поесть.

На веранде уцелевшего строения радист развернул станцию. Вокруг него нетерпеливо приплясывал капитан Ненашев. Он торопился доложить в штаб полка о выполнении задания.

Западнее деревни, в пятистах метрах от окрестности, находился еще один объект. Но туда бойцы Ненашева не совались. Офицеры получили строгое указание. Там работает контрразведка, туда ни ногой!

Дорога тянулась по ущелью Тырну-Фошу, убегала на запад, терялась за известковыми глыбами, нависающими над узкой долиной. За деревней имелась развилка. Вторая дорога отходила от первой и карабкалась на обширную террасу, составную часть гигантского склона, заросшую ельником. Деревья заполняли низины

и впадины, ухитрялись расти даже на отвесных скалах.

За лесом прятался старинный замок. В прорехах ельника просматривались серые каменные стены с узкими окнами-бойницами, трапециевидные крыши башенок с отколовшейся черепицей и сломанными шпильями. Размеры здания не поражали воображение, замок был сравнительно компактен, но все равно впечатлял, в основном своей серостью и унынием. Он состоял из главного двухэтажного здания и сторожевых башен, прижавшихся к нему. Скорее всего, в давние времена здесь обитали феодалы, владельцы окрестных деревень, воеводы или еще какие-то знатные персоны.

Дорога, выходящая к террасе, была утоптана. В поместье Форгарош люди жили и по сей день.

Майор Вадим Алексеевич Злобин, коренастый, темноволосый, в укороченной форменной тужурке, разглядывал эти постройки в бинокль и чувствовал какое-то неудобство. В замке было что-то неприятное, не вяжущееся с окрестным ландшафтом. Не первый день майор находился в Румынии, видел и другие поместья, но те не казались ему такими мрачными и зловещими.

У группы Смерш и взвода автоматчиков, приданного ей, имелась конкретная задача.

В 7.15 штурм деревни еще не начался, подразделения Ненашева только скапливались в восточном лесу. На другом краю населенного пун-

БАШНИ НЕМЕЦКОГО ЗАМКА

кта тоже шла подготовительная работа. Бойцы молодого лейтенанта Маркина окружили замок, лежали в высокой траве и настороженно поглядывали на старинные стены.

Дорога поднималась на террасу, огибала южную сторону здания и упиралась в главный двор на восточной стороне. Именно здесь майор Злобин сконцентрировал свои основные силы. Пехотинцы укрывались за развесистыми елями.

В ограде с обратной стороны имелась калитка. Ее тоже контролировали автоматчики.

Майор не знал, есть ли тут другие выходы. Поэтому он приказал посадить пулеметчиков с РПД со всех сторон.

Светлело небо, делались четче очертания вековых сосен и елей. Угрюмые стены проступали из полумрака, ободранные, замшелые. Во многих местах обвалилась кладка.

Вадим напрягся. В узком окне второго этажа блеснул свет. Неприятная змейка потекла по спине майора. Эти стены, да и вся округа действовали ему на нервы.

Злобин устроился на ложе из еловых лап. От земли еще не холодило, в горах особенный микроклимат, но какое-то неудобство уже присутствовало, особенно в ночные и утренние часы.

В просвете между низко висящими лапами виднелся двор. Автомобильным транспортом противник не располагал. Иначе он давно добрался бы до Венгрии. Обрисовалось крыльцо, разбитое, с остатками былой помпезности. Сту-

пени вели в глубокую нишу, обрамленную полуколоннами. Там, во мраке, что-то шевелилось, часовой не спал. Свет в окне больше не появлялся.

Начальнику оперативного отдела дивизионной контрразведки майору Злобину было без малого тридцать четыре года. На войне с октября сорок первого. Тогда на фронт из столицы отправляли не только кадровые части и ополченцев, но и всех, кто мог держать оружие, в том числе личный состав отделений милиции и тыловых особых отделов.

В мирную жизнь после декабря того же года Вадим уже не вернулся, возглавил особый отдел части, бьющейся на московском направлении. Весной сорок третьего он возглавил полковую контрразведку, потом участвовал в тяжелых боях и дошел до румынской границы.

Весь последний месяц его группа пребывала в непрерывном движении, вступала в стычки с разрозненными отрядами противника, пытавшимися вырваться из окружения. В румынских частях работали лазутчики, устраивали диверсии на складах и коммуникациях. В тылу орудовали диверсанты, поджигали склады ГСМ, уничтожали обозы с продовольствием и обмундированием, охотились за представителями командного состава Красной армии.

Майор насторожился. В нише мерцал огонек. Часовой нарушил дисциплину, позволил себе закурить.

На часах было 7.38. Капитан Ненашев бо-жился, что будет координировать свои действия с контрразведкой. Атака на деревню начнется в 7.45, плюс-минус минута, если не случится чего непредвиденного. Потом начнет действовать Смерш. Силы, как и всегда, ограничены, каждый человек на вес золота.

Бойцы терпеливо ждали, посапывали.

Где-то справа от майора находился командир взвода автоматчиков лейтенант Маркин, совсем юнец, восемнадцать лет, а физиономия вообще мальчишеская. Увидев парня впервые, Вадим возмутился. Мол, это что, шутка такая?

Лейтенант тогда обиделся и сказал, что приписал себе годик-другой, когда поступал на ускоренный полугодовой курс в пехотное училище. Но он боевой офицер, за плечами четыре месяца безупречной службы, участие в боевых операциях! И с головой дружен, в отличие от многих, лежащих в могилах! Плевать, что бойцы за глаза называют его Колюней, сыном полка, и посмеиваются. Лейтенант был действительно головастый, схватывал на лету и умел воздействовать на своих подчиненных.

Слева от Вадима залегли сотрудники опергруппы. Это были рассудительный мрачноватый капитан Михаил Кустовой и старший лейтенант Никита Баев, излишне начитанный, но способный. Где-то за ними затаился Павел Куделин, самый молодой в группе, умный и смекалистый, но подчас нетерпеливый.